

КАРТИНКИ СОВЕТСКОГО РАЯ

**ТЕКСТЪ
ЛОЛОИДЕРИ**

Q00

3340

ТАМЪ!..

КАРТИНКИ СОВЕТСКОГО РЯ

ТЕКСТЪ
ЛОЛО^хАЕРИ

Q 00 / 3340

Содержаніе.

Пролетаріямъ всѣхъ странъ	<i>Lolo</i>
Городъ	<i>Лери</i>
„Охраняющіе входы“	<i>Lolo</i>
Паекъ	<i>Лери</i>
Лѣтній садъ	<i>Lolo</i>
Рай на кухнѣ	<i>Лери</i>
Ромео и Джульетта	<i>Lolo</i>
Картинка	<i>Лери</i>
Комиссаръ у телефона	<i>Lolo</i>

Рисунки * *

[мш 1923.]

54 / 20x1

Пролетаріямъ всѣхъ странъ.

(Отъ кремлевскихъ товарищей).

Къ вамъ, друзья зарубежные,
Наши пѣсни несутся мятежныя:
Пробудитесь и встаньте, взирая
На картинки совѣтскаго рая!
Эти зрѣлища такъ поразительны
Такъ заманчивы, такъ заразительны,
Что, предъ вами пройдя вереницей,
Отразятся у васъ, за-границей, —
Ваши трубы походъ затрубятъ,
Краснымъ звономъ зальется набатъ!

Полетѣлъ вверхъ тормашками
Старый міръ съ вѣковыми замашками.
Сметены предрассудки, повѣрья,
«Совѣсть», «честь», ханжество, лицемѣрье...
Мы смѣнили законы декретами,
Замѣнили иконы портретами.
Пусть красуются въ царственныхъ рамахъ
И въ дворцахъ пролетарскихъ, и въ храмахъ.
Это — образы лучшихъ людей,
Это — лики великихъ вождей!

Дорогіе товарищи!
Полубуйтесь на наше пожарище:
Вьется дымъ межъ російскихъ развалинъ.
Нашъ примѣръ по заслугамъ расхваленъ.
Поглядите на нашу Утопію —
И снимите съ Утопіи копію.
Все смести — было наше рѣшенье —
И взметнулся огонь разрушенья!
И совѣтскія метлы смели
Всѣ сохровища русской земли!

Смѣло въ бой, пролетаріи!
О свободѣ мѣщанскія аріи
Заглушили мы гимномъ коммуны,
Что гремитъ съ пролетарской трибуны.
Братство, Равенство — шутка забытая, —
И чека, псевдонимомъ прикрытая,
Отъ такихъ архаическихъ шутокъ
Исцѣляетъ въ теченіе сутокъ.
Голодъ, вошь, людоѣдство и тифъ —
Это было. Ну, а прочее — миевъ!

Щелкопёры маракали
О больномъ Ильичѣ: «не отъ рака-ли?»
И скрипѣли газетныя скрипки:
«Не покушалъ-ли порченой рыбки?»
Ликовала печать зарубежная, —
Приближается, моль, неизбежное . . .
Вздорь! Не ракъ и не рыба, а нѣчто,
Отчего и нельзя убересть-то . . .
Не ликуй! Геніаленъ Ильичъ, —
И не страшень ему параличъ.

Торжество пятилѣтя!
Многозвучно звенятъ междометія
И парадныя вѣщія струны
Прославляютъ героевъ Коммуны.
Магазины сіяютъ товарами,
Рестораны полны комиссарами.
О голодныхъ давно мы забыли,
Какъ о старой, наскучившей были.
Пусть на Волгѣ реветъ людоедъ, —
Нѣпъ вкушаетъ триллионный обѣдъ!

Но . . . закончимъ вступленіе.
Не пора-ли начать представленіе?
Разверните страницы «Альбома»,
Загляните въ страну Совнаркома:
Вотъ картинки для сердца отрадныя, —
Комиссары, «содкомы» нарядныя . . .
Вотъ буржуй съ недорѣзанной глоткой,
Вотъ ученый съ протухшей селедкой . . .
Другъ мой, братъ мой, надѣйся и жди:
Этотъ рай у тебя впереди! . . .

Съ подлиннымъ вѣрно:

Lolo.

Городъ.

1919—1921.

1.

Не слышно шуму городского
На осовдепленной Морской —
Отъ яркихъ радостей былого
Не уцѣлѣло ни одной.
Весь Петербургъ сталъ вродѣ дачи —
Мертва фабричная труба —
И возлѣ самага Кюба
Пасутся двѣ голодныхъ клячи.
Законченъ подвигъ многотрудный —
Хвала вамъ, красные творцы! —
И свѣжей травкой изумрудной
Покрылись старые торцы.
Безъ пыли воздухъ много чище —
Гигиенисты говорятъ —

И превратился Петроградъ
Въ травой поросшее кладбище,
Гдѣ, какъ въ степи, растеть ковыль
И не мѣшаетъ легкимъ пыль.
Куда ни глянь — по новой модѣ
Ни магазиновъ, ни аптекъ,
Но ближе сталъ зато къ природѣ
Освобожденный человѣкъ.
Жить наши дѣды не умѣли,
Храня нелѣпый этикетъ, —
Никто изъ нихъ вѣдь на панели
Не совершалъ свой туалетъ.
Зато ихъ внуки при коммуни
Постигли радость новыхъ модъ —
(Портретъ субъекта у воротъ
Я помѣстилъ-бы въ «Наканунъ»).

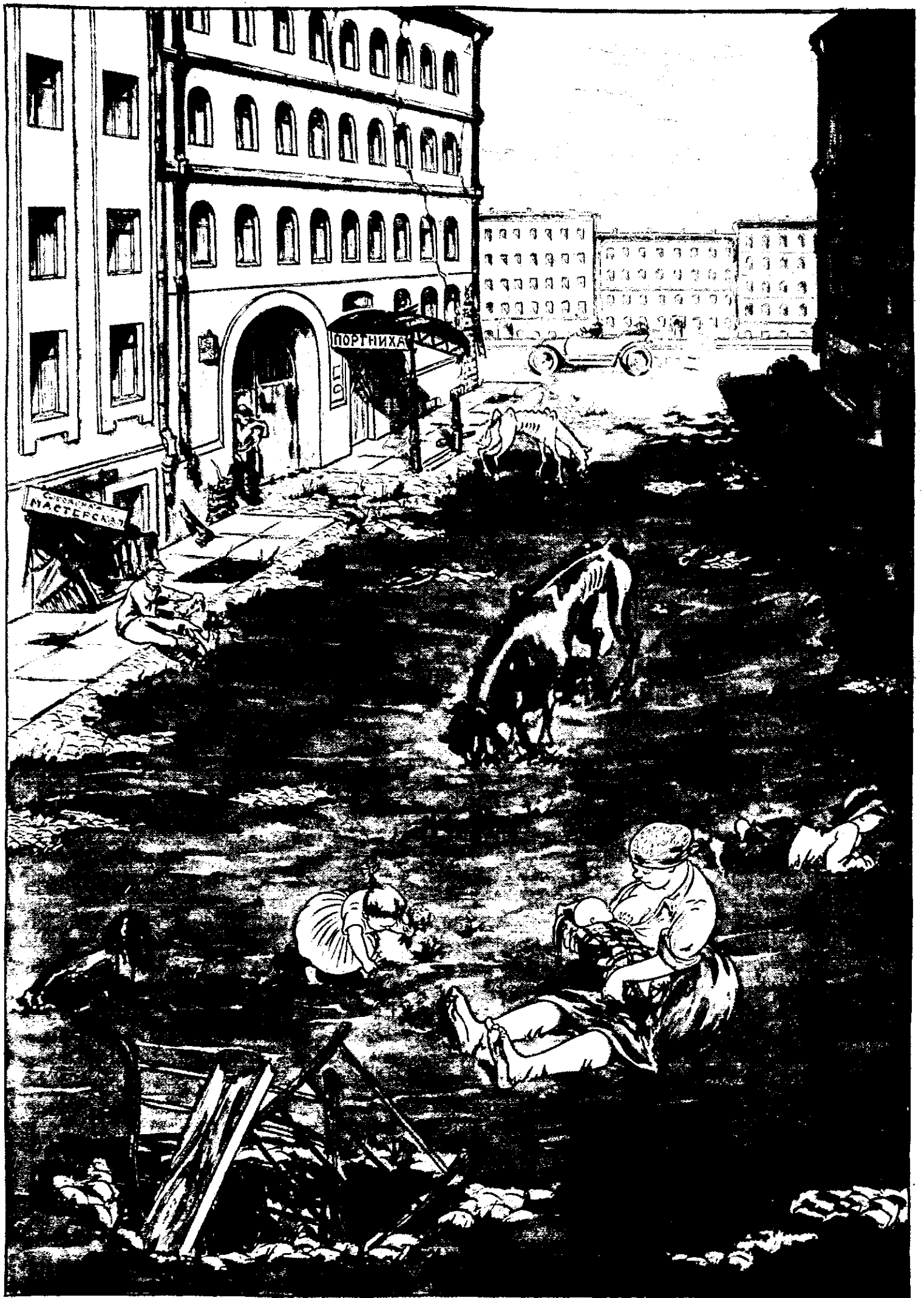
Прогналъ бывые предрасудки
Коммунистическій размахъ,
И рвутъ дѣтишки незабудки
На осовдепленныхъ торцахъ.
Мѣняютъ граждане портянки
(Почти единственный нарядъ)
И кормятъ красныя гражданки
На мостовыхъ своихъ ребятъ.
Да, рай, что Марксомъ былъ обѣщанъ,
Осуществилъ вполне совдепъ —
Дома сутулятся отъ трещинъ
И заколоченъ вкусный хлѣбъ.
Нѣтъ ни прохожихъ, нѣтъ ни пыли,
Какъ на курортѣ воздухъ чистъ —
Лишь пропыхтитъ въ автомобилѣ
Ночь проработавшій чекистъ.

Во время оно Петръ Великій
Въ Европу прорубилъ окно —
Но заросло уже оно
Травою буйною и дикой —
И все въ Россіи безтолково,
На всемъ кладбищенскій покой . . .

.
Не слышно шуму городского
На осовдепленной Морской.

2.

Зовутъ на фронтъ плакаты пестрые
И стерты вывѣсокъ слова
И магазиновъ свѣты острые
Забыла старая Москва.
Въ пальто изъ легонькой матеріи
Сижу безъ дровъ и безъ огня
И съ облаковъ червонцевъ серіи
Съ укоромъ смотрятъ на меня.
Изрѣзанъ ямами-колодцами,
Имѣетъ городъ дикій видъ
И лишь совѣтскими уродцами
Да чрезвычайками кишить . . .
Замолкла музыка колесная,
Но — коль явился-бъ дирижеръ —
Слилась толпа-бъ многоголосная
Въ кипящій ненавистью хоръ:
«Клянемъ мы, Хамъ, твое величество
За наркомость и наркомпродъ,
За фонари безъ электричества,
За голодающій народъ! . . .»

„Охраняющіе входы“.

Выдающіеся представители коммунистической молодежи получаютъ въ даръ отъ Ленина и Троцкаго кожаную куртку съ вышитой золотомъ надписью на атласной подкладкѣ: „подарокъ Ленина“ или „подарокъ Троцкаго“.

(Изъ совѣтской хроники).

„А на лбу роковыя слова“....

Некрасовъ.

Съ тайной завистью смотритъ столица
На героевъ совѣтскаго дня.
Поглядите на нихъ: что за лица!

Сколько въ нихъ боевого огня!
У товарища Дуни обновка:
Башмаки до колѣнъ (за доносъ),
Рядомъ съ ней поврежденный матросъ.
(Въ винномъ складѣ была потасовка)
И взираетъ онъ гордо вокругъ
На идейныхъ друзей и подругъ.
Я не знаю, виновны-ль матросы,
Что ихъ родина тонетъ во мглѣ, —
Но великой Коммуны запросы
Отразились на мѣдномъ челѣ.

Вотъ совѣтскаго рая картина:
Въ молодомъ пролетарскомъ лѣсу
Все сіяетъ: грудастая Фрина,
И звѣзда на челѣ гражданина,
И пенснэ на орлиномъ носу.
Обладатель восточнаго носа
Презираетъ невѣжду матроса,
Но по духу собратья они:
Оба — баловни красной Фортуны,
Оба стали на стражу Коммуны,
Въ роковыя осенніе дни.
Оба преданы лозунгамъ мести:
«Грабь, насилуй, души, — не робѣй —
Издѣвайся надъ тѣмъ, кто слабѣй,
Плюй въ лицо и сестрѣ, и невѣстѣ,
Мать родную распни — и убей!»

Вотъ шагаютъ они величаво.
Чѣмъ гордятся? Скажи, назови,
Въ чемъ ихъ доблесть, покрытая славой, —
И придутъ ли дорогой кровавой
Къ правдѣ, къ свѣту, къ свободѣ, къ любви?

Обветшалыхъ державныхъ устоевъ
Я отнюдь защищать не берусь...
Но взгляните на новыхъ героевъ,
Созидающихъ новую Русь:

По безстыдству и наглости взгляда
И отсутствію краски стыда,
По особымъ примѣтамъ наряда —
Вы узнаете ихъ безъ труда.
Это все «молодежь золотая»,
Это баловни власти: у нихъ
Голова, какъ баранъ, завитая,
Въ головѣ — Маяковского стихъ.

Но не лучше-ли прежде чѣмъ спросимъ:
«Какъ дошелъ ты?» — не надо тирадь! —
Подойдемъ-ка поближе и бросимъ
Зоркій взглядъ на блестящій нарядъ.
Что за куртка? Безцѣнная кожа!
— Человѣчья? — Не вѣрьте вранью:
Человѣчья въ совѣтскомъ раю
Ужъ давно ни на что не похожа!

И не въ курткѣ тутъ главная суть,
А въ прекрасной атласной подкладкѣ:
На нее постарайся взглянуть
Для разгадки совѣтской загадки.
На подкладкѣ горятъ письма: —
Золотыя почти имена —
И поймешь, что не даромъ такъ ярко
Вышитъ золотомъ авторъ подарка.

Только двое теперь на Руси
Украшаютъ свой даръ именами:
Эту куртку не просто носи,
А носи, какъ священное знамя!
Только вѣрный, какъ смерть, коммунаръ,
Совершающій зло безъ оглядки,
Носить Ленинскій дарственный даръ,
Ходить съ «Троцкимъ» на красной подкладкѣ.

Вотъ, надежда страны — молодежь,
Вотъ плѣненной Россіи опора!
Поглядишь — и почувствуешь дрожь
Отъ тоски и стыда, и позора...
На подкладкѣ — печать торжества,
Въ злой усмѣшкѣ — жестокость и дерзость,
А на лбу роковыя слова:
«Награжденъ за великую мерзость».

Но... къ чему эти строки? Ихъ рой
Возмутитъ всѣхъ «живущихъ вольготно»,
Всѣхъ, кто вѣхи смѣнилъ беззаботно,
Кто покорно зоветъ насъ «домой»...
Знаю: стихъ мой останется втунѣ, —
И твержу я, нахмуривъ чело:
Подлецовъ не убавишь въ коммунѣ,
А несчастнымъ... и такъ тяжело!

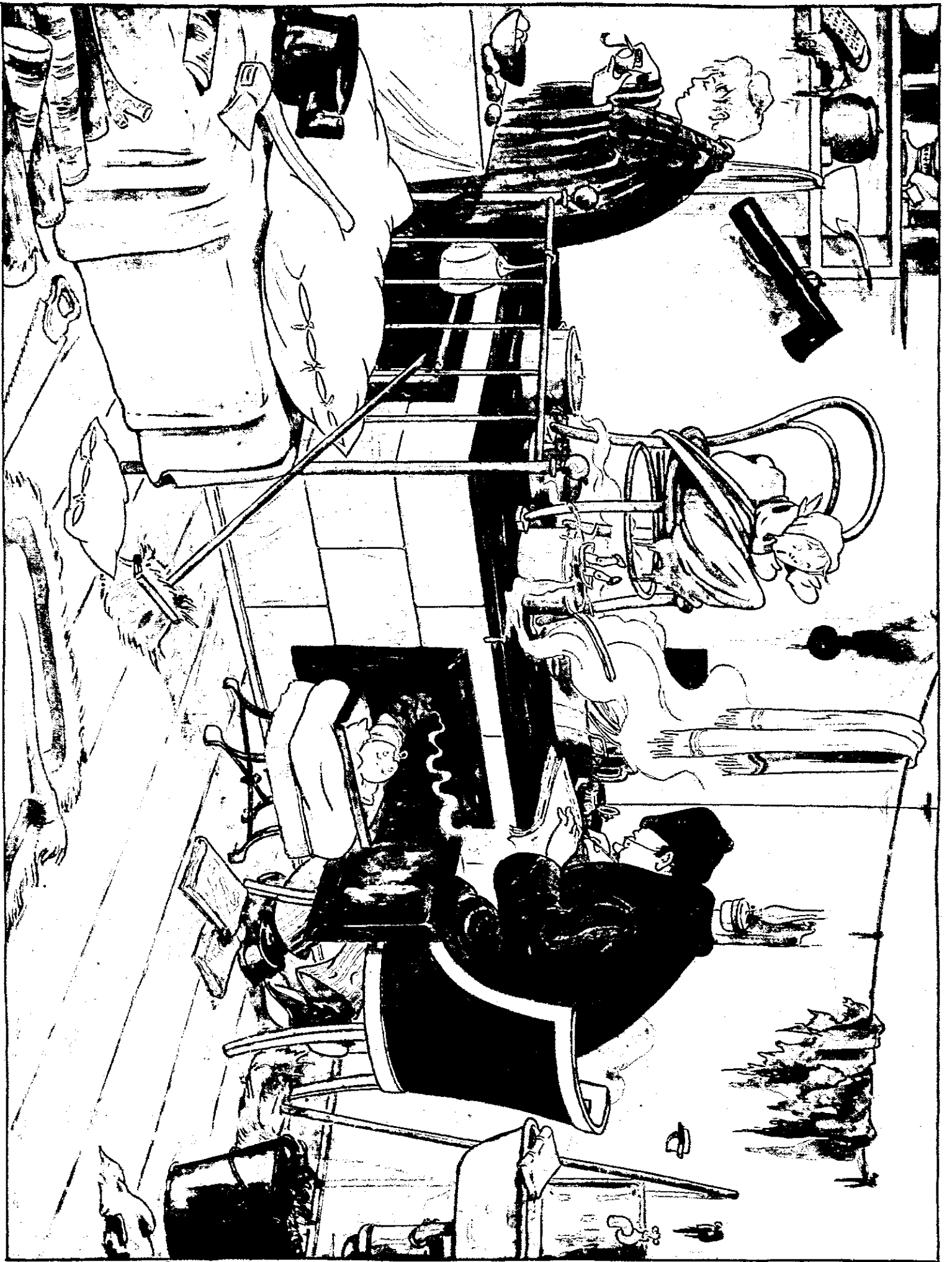
Рай на кухнѣ.

И ванъ Иванычъ Скороходъ
Въ Россіи прежней, дикой, скверной
Имѣлъ пять тысячъ двѣсти въ годъ
И жилъ съ семьею на Галерной.
Свою квартиру украшалъ
Онъ Левитаномъ и Маковскимъ
И утромъ къ кофе уважалъ
Калачъ филипповскій, московскій.
Ходилъ въ театры, и въ морозъ
Любилъ пройтись въ хорьковой шубѣ,
Знатокъ былъ винъ и папиросъ
И въ винтъ игралъ по сотой въ клубѣ.
Умѣлъ поѣсть, и соусъ кабуль
Для остроты вливалъ въ борщъ флотскій,
И проводилъ всегда іюль
Въ своемъ любимомъ Кисловодскѣ.
Но не въ питьѣ и не въ ѣдѣ
Свои онъ видѣлъ идеалы —
Онъ слылъ въ чиновничьей средѣ
Неисправимымъ либераломъ.
Какъ признанный интеллигентъ,
Онъ чтилъ московскую Татьяну,
И въ этотъ день — сѣдой студентъ! —
Домой всегда являлся пьянымъ.
Какъ человѣкъ передовой,
Считалъ царизмъ, отжившимъ звѣрствомъ,
Хоть козырялъ городовою
Ему при входѣ въ министерство.
Попавъ въ какой-то комитетъ,
Онъ тамъ работалъ для идеи —
Онъ былъ, какъ водится, кадетъ
И даже нѣсколько лѣвѣе.
Онъ изъ газетъ читалъ лишь «Рѣчь»
И въ Думѣ былъ согласенъ съ тѣми,
Кто обѣщаль срубить и сжечь
И кулакомъ грозилъ «системѣ»...
Въ алмазахъ неба ожидалъ,
Переустройствомъ бредилъ міра,
Хоть самъ — почти что генераль —
Имѣлъ казенную квартиру.

И вотъ исполнились мечты —
Лучъ ворвался во тьму подвала,
Но въ честь волшебной красоты
Не долго музыка играла.
Февраль промчался бурнымъ днемъ,
И счастье хрупкое разбилось,
И съ большевистскимъ октябремъ
Куда то все вдругъ провалилось.
Жить подь совдепомъ что въ аду —
Но, впрочемъ, вотъ — взгляните сами:
Жизнь въ девятнадцатомъ году
Въ Санктъ Петербургъ — передь вами.
Иванъ Ивановичъ Скороходъ
Въ Россіи радостной и новой
Совсѣмъ по-новому живетъ:
Безъ кабинета и столовой.
Онъ исполкомомъ уплотненъ
(Терпи, терпи, буржуй — хоть вспухни!)
И, изъ квартиры выгнанъ вонъ,
Живетъ съ супругою на кухнѣ;
Вокругъ — въ духовкѣ, на плитѣ —
Рѣзвятся малыя дѣтишки,
Отдавъ совѣтской бѣднотѣ
Свои молочные излишки.

Орутъ некормленные рты,
Въ глазахъ уныніе и слезы —
А папа пишетъ у плиты
Анкетный листъ для совнархоза.
Мысль у супруга и жены
Одна: «спастись-бы отъ че-ка намъ»! —
Давно для топки сожжены
Старикъ Маковскій съ Левитаномъ.
Топоръ, метла, двѣ книжки, пуфъ —
Вотъ все добро у Скорохода,
Не разъ съ супругою всплакнувъ,
Онъ молвить съ горечью: «Свобода»!
И вспоминаетъ комитетъ,
И отдыхъ лѣтній въ Кисловодскѣ,
И вообще тотъ старый свѣтъ,
Когда еще не снился Троцкій.
Но-прочь!... Запрещено мечтать,
Не то, винтовку изготовивъ,
Буржуя мысли прочитатъ
Сумѣетъ пакостный Зиновьевъ.
И онъ прикажетъ умереть
Буржую, какъ врагу совдеповъ —
Зане патроновъ не жалѣть
Его училъ навѣрно Треповъ...

И потому, буржуй, терпи,
Живя съ дѣтишками на кухнѣ,
Въ духовкѣ жаркой, мальчикъ, спи,
Спи, мальчикъ милый, спи, хоть вспухни...

Ромео и Джульетта.

„Нѣтъ повѣсти печальнѣе на свѣтѣ“....

Онъ матросъ — краса и гордость флота,
А она — сотрудница Чека.
Онъ усталъ: вчера была работа —
Мордобой и два лихихъ налета...
И она утомлена слегка:
Прошлой ночью былъ допросъ «съ пристрастьемъ»,
Съ примѣненъемъ чрезвычайныхъ мѣръ...
А потомъ... разстрѣль съ ея участиемъ...
Вся она пылала сладострастьемъ:
Былъ красивъ и молодъ офицеръ...
Но теперъ у нихъ часы досуга,
Отдыхаетъ славная чета...
Оба злы, не смотря другъ на друга,
Но лобзаній жаждутъ ихъ уста...
Вотъ они — Ромео и Джульетта,
Двѣ звѣзды совѣтскаго райка:
Онъ — герой и видный членъ Совѣта,
А она — красотка изъ Чека.

Она.

Гдѣ ночью путался, красавецъ,
Гдѣ прохлаждался до зари?
Опять у Дуньки былъ?... Мерзавецъ!
Не вяжешь лыка?... Говори!
Уйдешь — не жить тебѣ на свѣтѣ.
Домой пришла я на разсвѣтѣ, —
Смотрю — а миленькаго нѣтъ!

Онъ.

На засѣданьи былъ, въ Совѣтѣ...

Она.

Всю ночь?... Я знаю твой Совѣтъ!

Онъ.

Ну, да. Потомъ... занятие было:
Я коммунистъ и гражданинъ...

Она.

Не гражданинъ — свиное рыло!
Дыхни!... Винице, кокаинъ!...

Онъ.

Хватиль, когда взялся за «дѣло».
Изъяль въ аптекъ — первый сортъ!
Нюхнешь — и легче пуху тѣло,
И все могишь, и смѣль, какъ чортъ!

Она.

И мнѣ понюхать смерть — охота...
Устала я... Была работа...
За что, подлецъ, люблю тебя,
Красу и молодость губя?
И для чего торчу въ застѣнкахъ,
Теряю вѣру, совѣсть, честь?
Чтобъ «сувениръ» тебѣ принести,
Чтобъ на твоихъ сидѣть колѣнкахъ
И цѣловать тебя до слезъ,
И стать женой твоей въ сурьезъ!

Онъ.

Въ «сурьезъ»? Съ папами? Ты въ умѣ-ли?
Иль у тебѣ холопій умъ?
Бабе! На митингахъ шумѣли,
Что вѣра, церковь — опіумъ!
А тутъ «въ сурьезъ!» Ликуй, Исая!
Ха-ха... Пришла ко мнѣ босая —
Я вывелъ въ люди! Изъ Чеки
Паекъ, чаекъ, чулки, шелки...

Она.

Я благодарна за «науку»...
Ну, не сердись, товарищъ! Руку!

Онъ.

Вотъ такъ то лучше! Изъ башки
Повыбей бабьи пустяки!
«Въ сурьезъ!» Буржуйская свистулька!
Законъ, иконы, попъ, дьячекъ...
Всегда была ты душой, Юлька...
На, — нюхай лучше — и молчокъ!

Она.

Ухъ... хорошо. Еще, миленокъ!
Ты не сердись — вѣдь я ребенокъ.
Вотъ принесла тебѣ сурпризъ —
Булавку съ камнемъ — солнца ярче!
А ты со мною помирись —
Да поцѣлуй меня пожарче!

(Напѣваетъ.)

«Теперь одна моя мечта —
Поцѣловать тебя въ уста»...

Онъ.

Булавка важная!... Корона
И гербъ какой то....

Она.

У барона

Взяла на память... Что ему?
Поволокли его въ тюрьму
Полу-живого... отъ допроса...
Ну, я и думаю: возьму
Для моего дружка-матроса:
Ему, красавцу-подлецу
Она, дѣйствительно, къ лицу.

Онъ.

Спасибо, Юлька, это вѣрно —
Вполнѣ къ лицу — и спору нѣтъ.
А сколько могутъ дать, примѣрно,
За буржуазный сей предметъ?...
Ну, ладно!... Ради сувернира
На миръ-любовь согласенъ я.
«И будешь ты царицей міра,
Подруга вѣчная моя!»...

Миръ-любовь... и жуткая работа...
Поцѣлуй... и крови, слезъ рѣка...
Онъ — матросъ, краса и гордость флота,
А она — сотрудница Чека....

Картинка.

Посмотри: горитъ, мерца,
Тусклый ночничекъ —
За пустымъ стаканомъ чая

Собрался кружокъ.

Климатъ въ комнатѣ суровый
(Ртуть чуть сверхъ нуля),

Уплотнивъ себя въ столовой,
Грѣется семья.

За столомъ у лампы — папа.

Словно старый дѣдъ,

Весь ушелъ въ пальто изъ драпа,

А въ рукахъ декретъ.

По печатному читаетъ

Новый онъ законъ:

Вновь буржуевъ уплотняютъ —

Убирайтесь вонъ!

Кончилъ. Старая Авдотья

Совнаркомъ бранить.

Вся закутавшись въ лохмотья

Барыня ворчитъ:

„Тяжела ты, наша доля!

Чертъ побралъ-бы ихъ!“

Даже рѣзвый мальчикъ Коля

Сжался и притихъ.

Онъ схватилъ въ столовой свинку —

(Горлышко болить),

Дополняя симъ картинку:

«Новый русскій бытъ».

Пара бѣленькя струйки

Вьются изо ртавъ —

Холодъ, голодъ и въ буржуйкѣ

Ни угля, ни дровъ...

Комиссаръ у телефона.

„Рядъ волшебныхъ измѣненій милаго лица“. Фетъ.

I.

(въ 1918 г.)

Алло!... Поздравляю!... Давно-бы!... Прекрасно!
 Пустили въ «расходъ» — сократили расходъ.
 И то цѣлый мѣсяцъ томили напрасно.
 ... Какъ время летитъ! — неужли цѣлый годъ?
 Что?... Платье?... Боишься разстрѣлить вдовицу?
 А ты доложи ей съ улыбкой, любя!
 ... Ха-ха... Ну, скажи, убѣжалъ за границу,
 А платье на память оставь у себя.
 ... Эсерка бунтуетъ?... Стегни ее плеткой!
 ... Скучненько?... Да, служба у насъ не сладка...
 Куражится?... Сдастся! Попотчуй селедкой,
 Селедочкой съ лукомъ... Воды ни глотка...
 Запроситъ пARDону... Съ лица хороша-ли?
 Блондинка? Худая? Худыхъ не терплю...
 ... Эй, кто барабанитъ?... Пстой!... Помѣшали!
 ... Что? Самъ не прикончишь?... Ну, я пристрѣлю...

II.

(въ 1920 г.)

— Алло!... Три ящика эфира,
 Два кокаина?... Такъ. Цѣна?
 Беру. Двѣ штуки кашемира
 Изъ магазина Ильина?
 Беру. А нѣтъ ли полотна,
 Духовъ, зубного элексира?
 ... Что? ... Разстрѣляли ювелира?
 ... Нѣтъ, мнѣ не нуженъ шоколадъ:
 Мы реквизируютъ цѣлый складъ...
 ... Да, малость нажилъ на валютѣ...
 Конечно, нѣкоторый рискъ...
 Прощай!... Пстой: скажи Анютъ,
 Что нынче будетъ лютый «вспрыскъ».
 ... Изволь. Заметано: въ танцульку!
 Я захвачу съ собою Юльку.

III.

(въ 1922 г.)

— Кто говоритъ?... Сережа?... Вотъ такъ фунтъ!
 Я слышалъ, будто ты пробрался въ Трапезундъ,
 Пошелъ къ Энверу въ услуженье,
 А послѣ въ Индію, чтобъ тамъ поднять броженье...
 Брехня?... По вашему — мечта воображенья?
 Я радъ! Не бойся, здѣсь не склепъ,
 Не прошлогоднее кладбище...
 Нѣтъ, нѣтъ! Взгляни вокругъ, дружище:
 Шумитъ, гудитъ веселый Нэпъ...
 Свобода совѣсти, торговли... Хулиганства?
 Къ чему такія словеса?!
 Нѣтъ, здѣсь воистину творятся чудеса!
 Полны кафэ, театры... Что?... Не пьянство,
 Но нѣтъ, какъ встарь, вегетерянства.
 Ужъ не встаешь теперь чуть свѣтъ,
 Не ждешь въ хвостъ... хвоста селедки,
 И не жуешь одни обглодки,
 Не чахнешь «въ цвѣтѣ среднихъ лѣтъ».

О, нѣтъ!

Мы, слава Богу... т. е. Вцику
 Имѣемъ малую толику...
 Прими мой дружескій совѣтъ —
 Повѣрь, бывшая пѣсни спѣты...
 ... Что?! ... Ненавистны всѣ совѣты?!...
 Тссс!... Вечка за это упечетъ!...
 Ну, да... она теперь зовется по другому,
 Но прежній у нея почетъ,
 И та же близость къ Совнаркому.
 Братъ, не дури, скажи: ужель
 Не хочешь сдѣлать ты карьеру?
 Мы — революціи всемірной колыбель!
 Смирись, переходи скорѣе въ нашу вѣру:
 Дадутъ тебѣ моторъ, и золото, и мамзель —
 По Луначарскому — гетеру!
 Не хочешь — не бери! Живи холостякомъ!

Но знай, что къ женщинамъ пристрастенъ Совнаркомъ...
О, женщины повсюду — и какія?
Съ восторгомъ внемлетъ имъ Совѣтская Россія.
Искусство двигаетъ Андреева Марія.
А въ школахъ Лилина и Шура Коллонтай
Открыли дѣткамъ новый рай, —
Весьма умно рекомендуя
Свободу ласкъ и поцѣлуя...
А Радекъ, Троцкая? Онѣ разсѣять тьму:
Какую подняли въ столицѣ кутерьму!
Какія умницы, красавицы, таланты,
Какое декольтэ, какіе брилліанты!
У нихъ одинъ законъ: живи, люби, хватай —
Особенно у Шуры Коллонтай...
Одинъ пріятель мой женатъ на комиссаршѣ:
Она его лѣтъ на пятнадцать старше,
Но не остыла до сихъ поръ —
И похотлива, какъ горилла...
И что-жъ ты думаешь? — супругу подарила
Не то музей, не то соборъ!
Я говорю тебѣ, ступай на службу къ нашимъ,
Пусть мрутъ голодные, а мы съ тобой попляшемъ.
Ну, а пока, — адье! Сегодня уйма дѣлъ:
Зиновьевъ что то «усмотрѣлъ»:
Онъ говоритъ, что Нэпъ распухъ недопустимо...
А потому необходимо
Устроить маленькій... разстрѣлъ!

Лѣтній садъ.

I.

Лѣтній садъ... Благоуханье...
Старая скамья.
«Шопоть... робкое дыханье.
Трели соловья».

Нимфъ и Грацій мраморъ сизый.
Дѣдушка Крыловъ.
Блѣдный призракъ бѣдной Лизы...
Пыль забытыхъ словъ.

Сладкій ядъ воспоминанья...
Вешнія мечты.
Лепеть перваго признанья,
Трепетное «ты»...

Это — грезами согрѣтый
Миръ поэмъ, балладъ...
Это — музами воспѣтый
Старый Лѣтній садъ!

II.

Душно . . . Лѣтній полдень жаркій.
Питеръ опустѣль.
На травѣ лежать «огарки» —
Груда грѣшныхъ тѣль.

Въ воду прыгаютъ дѣтны . . .
Дунька — ихъ жена —
Въ созерцаніе картины
Вся погружена.

Послѣ творческой работы
 («Просвѣтлѣнье массъ») —
Чась досуга и дремоты —
Вожделѣнный чась.

Трехъэтажная словесность . . .
Винный перегарь.
Оскорбившій всю окрестность
Бравый комиссарь.

Шелуха . . . плевки . . . декреты.
Кровь и грязь, и смрадъ . . .
Это — музами воспѣтый
Старый Лѣтній садъ! . . .

Паекъ.

Взоры безумные, взоры голодные,
Люди, испившіе муки бездонныя
Жизни, что смерти страшнѣй и свирѣпѣ,
Пасынки жалкіе дикой Совдепін.
Тѣни унылыя — интеллигентскія.....
Гдѣ вы Юденичи, гдѣ вы Керенскіе?
Гдѣ вы мечты и полеты свободные?
Взоры погасшіе, взоры голодные
Прежнимъ огнемъ уже больше не свѣтятся,
Только тогда огонекъ въ нихъ и теплится,
Какъ попадаютъ на пищу пайковую
Люди въ совѣтскую яму — столовую.

Вотъ вамъ питаніе интеллигенціи.....
Ленинъ и Троцкій въ своей резиденціи
(Ахъ, не пора ужъ явиться Θεמידѣ-ли?)
Этихъ картинокъ, конечно, не видѣли.
Впрочемъ, на то они оба и геніи,
Чтобы иное имѣть угощеніе —
Семгу, икру, балыки астраханскіе,
Водку, сигары, ликеры, шампанское. —
Ну, а всякъ прочій, который, естественно,
Долженъ кормиться на кухнѣ общественной.

Добрая власть, создавая жизнь заново,
Всѣхъ собрала подъ крыло пеликаново —
И, какъ дѣтенышей, съ глазками кроткими,
Кормить голодныхъ гнилыми селедками.
Стукнетъ лишь полдень — и дверь открывается,
Въ дверь эту бурный потокъ устремляется,
Голодь не тетка — пруть мутною лавою,
Пруть за сто версть за селедкою ржавою.
Стали въ хвосты — цѣлый часъ ожидаютъся,
Толстая баба въ кастрюлѣ копаются
(Баба сія — отъ совдепа кормилица).....
Старый профессоръ сдержать себя силится,
Но — какъ прикованы взоры голодные
Къ грязной кастрюлѣ, гдѣ сельди негодныя
(Быть-бы хоть ими намъ, русскимъ, богатыми!)
Въ носъ аппетитными быють ароматами.....
Вотъ выкликаются списки за списками —
Люди садятся съ горячими мисками,
Злобно, какъ звѣри, вокругъ озираются,
Скрыть свою миску отъ ближнихъ стараются.
Кто-жъ эти чудища, грязныя, дикія?
Ахъ, между ними есть люди великіе —
Есть академики — головы умныя,
Люди голодные, взоры безумные.....

«Будемъ какъ солнце!»... Куда тамъ — пока
Мы не идемъ по пути золотому —
Всѣ мы мечтаемъ теперь по иному,
Ибо на вѣкъ отданы совнаркому
Наши мозги, голова и бока,
Ибо теперь и поэту любому
Очень не трудно жизнь кончить въ чека.
Будемъ какъ звѣри — вотъ это вѣрнѣе —
Рвать другъ у друга кусокъ,
Русскіе, турки, китайцы, евреи —
Будемте жить для единой идеи,
Имя которой — пакъ!.....